

ДМИТРИЙ ЗЯТЪЕВ

ИНЕССА

ДМИТРИЙ ЗЯТЬЕВ

ИНЕССА

БОСТОН • 2025 • BOSTON

ДМИТРИЙ ЗЯТЪЕВ. **ИНЕССА**. *Роман*

DMITRY ZIATYEV. **INESSA**. *A Novel*

Copyright © 2025 by D. Ziatyev

All rights reserved. No part of this book may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without written permission from the copyright holder, except for the brief passages quoted for review.

ISBN 978-1960533760

Published by M•GRAPHICS | Boston, MA

📄 www.mgraphics-books.com

✉ mgraphics.books@gmail.com

Book Design by Juliya Timoshenko © 2025

Cover Design by Larysa Studinskaya © 2025

Text Photographs: Wikipedia.com / Public domain

Printed in the U.S.A.

СОДЕРЖАНИЕ

Необходимое предисловие	11
1. Знакомство с главными героями	13
2. Похороны Инессы Арманд	26
3. Начало дневника Инессы Арманд. Рождение и детство	29
4. Екатерина встречает спутника жизни. Фёдор Бородин	34
5. Работа Антонины в военном госпитале. Антон Крутов	43
6. Командир полка Филипп Миронов. Часть 1	51
7. Антонина и Антон в годы революции и Гражданской войны	61
8. Командир полка Филипп Миронов. Часть 2	68
9. Из дневника Инессы Арманд. Знакомство с семьёй Арманд	80
10. Командир корпуса Филипп Миронов. Мятеж	91
11. Командарм Миронов и 2-я Конная	101
12. Антонина и Антон Крутовы после Гражданской войны	113
13. Семейная жизнь Екатерины и Фёдора Бородиных. Москва двадцатых годов	129
14. Из дневника Инессы Арманд. Начало общественной деятельности	140
15. Письмо Екатерины Беляевой сестре Антонине от 1925 года	145
16. Письмо Екатерины Беляевой сестре Антонине от 1929 года	148
17. Смерть Екатерины Беляевой	151
18. Из дневника Инессы Арманд. Начало революционной деятельности. Перемены в личной жизни	159
19. Антонина в роли мамы	164
20. Несостоявшееся выселение	169
21. Из дневника Инессы Арманд. Подпольная работа. Ссылка	174
22. Детские годы Инессы Бородиной	185
23. Москва тридцатых годов. Реконструкция столицы	197
24. Из дневника Инессы Арманд. Жизнь в ссылке	202

25. Москва, лето и осень 1937 года	207
26. Тульская родня	219
27. Из дневника Инессы Арманд. На перепутье	225
28. Москва начала войны	233
29. Из дневника Инны Бородиной 1941 года	242
30. Из дневника Инессы Арманд. Париж, 1910–1912 годы. От фракции к партии большевиков.	248
31. Москва, осень 1941 года.	261
32. Письмо Антонины Крутовой Фёдору Бородину от марта 1942 года	264
33. Из дневника Инессы Арманд. Поездка в Россию в 1912–1913 годах. Галиция	266
34. В эвакуации. Из воспоминаний Владислава Бородина	275
35. Возвращение Инны Бородиной из эвакуации. Учёба в Московском университете	285
36. Из дневника Инессы Арманд. Соратница Ленина	297
37. Военная судьба Михаила Баранова	302
38. Послевоенная московская школа	313
39. Из дневника Инессы Арманд. Женское рабочее движение	319
40. Учёба Славы Бородина в Институте международных отношений	325
41. Аспирантские годы Инессы Бородиной	334
42. Из дневника Инессы Арманд. Работа во время империалистической войны	340
43. Первомайская демонстрация. Знакомство на всю жизнь	353
44. Свадьба	362
45. Из дневника Инессы Арманд. Возвращение в Россию. «Пломбированный вагон»	376
46. Владислав Бородин у «хладных финских скал»	384
47. Страдания Фёдора Ивановича Бородина. Прощание с Антониной Петровной Крутовой	389
48. Из дневника Инессы Арманд. Назад в Москву. Октябрьская революция. Брестский мир.	396
49. Работа Инессы Бородиной в научном институте	405
50. Эмма Баранова	409
51. Из дневника Инессы Арманд. Ленин и политика военного коммунизма. Работа в Совнархозе Московской губернии.	422
52. Дела институтские. Часть 1.	429
53. Пенсионер Фёдор Иванович Бородин	435

54. Из дневника Инессы Арманд. Поездка во Францию в 1919 году	445
55. Поездка Инессы Бородиной в Югославию	451
56. Неопубликованное интервью. Часть 1	456
57. Из дневника Инессы Арманд. Советский феминизм	466
58. Юбилей Фёдора Ивановича Бородина	478
59. Михаил Баранов в военном госпитале	489
60. Из дневника Инессы Арманд. Штрихи к портрету Ленина. Ленин и Горький	498
61. Последний приезд Веры в Москву	505
62. Фёдор Иванович умирает.	510
63. Из дневника Инессы Арманд. Деньги партии	515
64. Дела институтские. Часть 2.	524
65. Письмо Татьяны Рамирес Инессе Бородиной	535
66. Из дневника Инессы Арманд. Ленин и соратники.	542
67. Жизнь Инессы Бородиной на пенсии	548
68. Письмо Павла Бородина Инессе	555
69. Неопубликованное интервью. Часть 2	560
70. Из дневника Инессы Арманд. Последние недели жизни.	569
71. Последние дни Инессы Бородиной	574
72. Исповедь	581
73. Предсмертная записка Инессы Бородиной	589
74. Из дневника Инессы Арманд. Эпилог	597
75. Чердак ненужных вещей	602
Приложение 1	618
Приложение 2. Стихи Владислава Бородина	621

Памяти родителей посвящается

НЕОБХОДИМОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Нам кажется, что всё, что происходит с нами — уникально и неповторимо. Но вот только вечны категории добра и зла, любви и ненависти, дружбы и предательства, верности и измены, и тем, кто жили много лет назад, приходилось делать такой же нелёгкий выбор, как нам сейчас.

Заглянуть в прошлое, чтобы лучше себя понять, — всё равно как посмотреться в зеркало. Я достаю семейный альбом и изучаю фотографии родителей, родственников. Вот бабушка — волевой подбородок, тяжеловатый взгляд, залёгшая между бровей напряжённая морщинка... Ага, начинаю что-то понимать о себе. Фотография молодого отца, ещё до моего рождения. Открытый взгляд, «голливудская улыбка» с ровным рядом зубов напоказ — это и сейчас не очень принято, а уж семьдесят лет назад... На лице несмываемая печать интеллигентности. Помню, мальчишкой тянулся к нему, с ним было очень интересно, он многое знал и охотно всем делился со мной. Потом наступил подростковый возраст, пришла пора самоутверждения, хотелось быть сильным; по неопытности и «юношескому слабоумию» воспринимал интеллигентность отца как слабость. Произошло неизбежное охлаждение в отношениях, которое, как я сейчас понимаю, отец сильно переживал. Но вот смотрю на папину старую фотографию и в чём-то узнаю себя, хотя сам давно не юноша. Кто-то из моих друзей дал совет: «Чаще улыбайся, улыбка — твоё сильное оружие».

Всё это касается не только отдельных людей, но и целых стран. Каждая развивается по своей колее, проложенной историей, традициями, культурой. Но вот приходит прозрение, что колея — путь в никуда, но свернуть с неё не так просто, велика инерция движения. Нужны воля и решимость сильных личностей, чтобы нарушить эту инерцию и выйти на новую и не всегда правильную траекторию. Часто реформаторов ждёт незавидная судьба — проклятия современников, и только потомки смогут правильно оценить их вклад. Взгляд в прошлое необходим, чтобы понять, что и как менять, и не повторять прежних ошибок. Дураки учатся на своих ошибках, умные — на чужих.

Глава 1
ЗНАКОМСТВО
С ГЛАВНЫМИ ГЕРОЯМИ

Екатерина Бородина тихо угасала в послеродовом отделении седьмой московской городской больницы на Большой Молчановке; впоследствии её стали называть родильный дом Грауэрмана. Григорий Львович Грауэрман был одним из пионеров акушерского дела в царской России; при его участии организовали приют для материнства и отделы родовых осложнений и послеродовых болезней — после его смерти в 1921 году их преобразовали в отделения Института охраны материнства и младенчества. Начальник Екатерины выхлопотал ей место в роддоме на Молчановке, что было непросто — роддом пользовался хорошей репутацией у партийных и государственных бонз высшего эшелона и их жён. Хотя больница не отличалась очень комфортабельными бытовыми условиями для рожениц, но ещё с царских времён там работали врачи высокой квалификации, и под их зорким оком трудился обслуживающий персонал — чётко и надёжно, как швейцарские часы.

Было начало декабря 1930 года. После всех ужасных лет мировой войны, революции и последовавшей за ними Гражданской войны жизнь в стране потихоньку налаживалась. Политику военного коммунизма с её жёсткой продразвёрсткой и товарным голодом сменила новая экономическая политика, и, как по мановению волшебной палочки, прилавки магазинов наполнились продуктами и промышленными товарами — заработал механизм рынка. Да, всё стоило недёшево, но, по крайней мере, можно было купить большинство товаров. В домах стало теплее, и в зимние холода народ уже не собирался на улице погреться у костра, как это бывало в годы послереволюционного лихолетья. После того, как свернули НЭП, введённые в Москве карточки на хлеб, а чуть позже на ряд других продуктов, давали возможность сносно питаться тем, кто работал на государственных предприятиях, а таковых в столице было большинство. Уже после того, как в 1931 году окончательно запретили частную торговлю, карточная система смогла худо-бедно решить проблему продовольствия в крупных городах — карточки отменили только в середине тридцатых годов. Конечно, всё это не касалось крестьян; их в стране насчитывалось добрые три четверти населения. В тот

жуткий год в деревне набирала обороты безжалостная кампания раскулачивания, когда крестьян насильно загоняли в колхозы. Однако страшный неурожай, ставший результатом коллективизации и редкой по силе засухи, и жесточайший голод в деревне, унёсший жизни миллионов людей, наступят двумя годами позже.

Большую часть времени Екатерина пребывала в полузабытьи, и сознание возвращалось к ней лишь ненадолго. В эти редкие минуты её взгляд первым делом падал на окно, разукрашенное причудливыми узорами декабрьской стужи. Зима выдалась суровой, и температура часто опускалась до минус двадцати градусов, а по ночам — до минус тридцати, но в больнице хорошо топили. У Кати был не проходящий жар — ртутный столбик термометра не опускался ниже отметки тридцать восемь градусов, а иногда поднимался до сорока. Роды выдались очень тяжёлыми — мальчик оказался крупным: при росте пятьдесят четыре сантиметра весил больше четырёх с половиной килограммов — редкость для новорождённых в то время. Малыш появлялся на свет долго и мучительно: во время родов Екатерина потеряла много крови, и было множество мышечных разрывов. Врачи что-то недоглядели, и началось заражение крови, что было равносильно смертному приговору. Хотя в конце двадцатых годов прошлого века Флеминг открыл антибактериальные свойства пенициллина, но его промышленное производство наладили не сразу, а повсеместное применение в медицинской практике начнётся только в годы Второй мировой войны, и это спасёт десятки тысяч жизней.

Екатерине шёл сорок третий год, и её жизнь, пришедшаяся на это турбулентное время, была во многом типичной для всего поколения. Она родилась в семье, которую в наше время отнесли бы к среднему классу, а в первые советские годы причисляли к сословию мещан. Катя была одной из тринадцати детей, и не все из них дожили даже до подросткового возраста по причине детских эпидемических заболеваний, которые ещё не научились лечить. По записям середины девяностых годов в исповедной ведомости Успенской церкви Павшинской слободы города Тулы, в живых осталось девять детей: шесть мальчиков и три девочки. Успенскую церковь, одну из главных в Туле, возвели в первой четверти семнадцатого века и много раз расширяли и перестраивали. Она избежала эксцессов антирелигиозных компаний и до настоящего времени сохранилась как действующий храм. Глава семьи, Пётр Денисович Баранов, был купеческий сын, получил инженерное образование и работал на телеграфе. Его жена, Пелагея Николаевна, была дочерью оружейника, то есть принадлежала к почётному сословию. До сих пор в Туле более десяти улиц носят «оружейные» названия.

База для старейшего в России Императорского Тульского оружейного завода была основана указом царя Фёдора Иоанновича от 1595 года. По указу, в Тулу переселили тридцать семей кузнецов, умеющих делать самопалы — так называли стрелковое оружие. Для переселенцев учредили кузнецкую слободу и создали оружейный двор, куда принимали изготовленные изделия. В семнадцатом веке на территории слободы построили железоделательный цех для изготовления пушек и ядер и возвели большой оружейный завод. Указом Петра I от 1712 года в Туле была основана казённая оружейная фабрика, прообраз Императорского оружейного завода. В Петровские времена там работало более тысячи оружейников, а в девятнадцатом столетии число работников перевалило за десять тысяч. В конце девятнадцатого века впервые в России на заводе наладили производство винтовок Мосина, а в начале двадцатого века — пулемётов «Максим». 28 апреля 1912 года к празднованию двухсотлетия Тульского оружейного завода открыли памятник Петру I, который до настоящего времени находится на набережной реки Упы и обращён лицом к заводу. Первый российский император одет в кузнечный фартук и стоит у наковальни с молотом в руке. На гранитном постаменте надписи: «Пóтом трудов моих создал я вас» и «А о Петре ведайте ... что жизнь ему не дорога, жила бы только Россия». Тульский оружейный завод не потерял своего значения и после октябрьской революции; так, в тридцатые годы на нём начали выпуск первого советского пистолета-пулемёта ТТ, разработанного конструктором Токаревым на базе всемирно известного саморазрядного браунинга.

Пелагея была на девять лет моложе Петра, что не было необычным для браков того времени. Она никогда не работала и целиком отдавала себя воспитанию детей и ведению обширного домашнего хозяйства. Семья жила в небольшом принадлежащем ей доме на окраине Тулы. В городе фамилия Барановых была на слуху. С конца восемнадцатого века Барановых упоминают как купцов второй, а позднее и первой гильдии. Их дела шли успешно, и в сороковые годы девятнадцатого века им даже принадлежал торговый дом в Санкт-Петербурге. В семидесятые годы торговый дом Барановых основал банк, некоторое время один из крупнейших в Туле. Но десятилетием позже банк разорился в результате неудачных операций. Вскрылись какие-то тёмные делишки, и основателей банка, двух старших братьев Барановых, представителей разросшегося к тому времени семейного клана, признали виновными и сослали в Сибирь на шесть лет. Катин отец принадлежал к другой, менее состоятельной ветви Барановых, и их не коснулись все эти неприят-

ности. Семья Петра Денисовича не имела особых богатств, но жила в достатке. Все дети воспитывались в традициях православной религии и обучались грамоте, что было одним из приоритетов у родителей.

Когда Кате исполнилось девять лет, отец умер, оставив небольшое состояние, позволившее семье продолжать достойную жизнь. Получив среднее образование, Катя не нашла работу в родной Туле и отправилась в Харьковскую губернию, где год учительствовала в начальных классах сельской школы. Для домашней девочки это был первый опыт самостоятельной жизни, оказавшийся очень полезным. Получив педагогическую практику, запасшись положительными характеристиками и рекомендациями, Катя вернулась в Тулу и устроилась преподавателем младших классов в только что открывшуюся гимназию Перова. В 1907 году Иван Фёдорович Перов основал и содержал на собственные сбережения гимназию для мальчиков, взимая за обучение весьма умеренную плату. В 1912 году из своих средств он оплатил строительство нового школьного здания, считавшегося одним из лучших в дореволюционной Туле. В середине семидесятых годов двадцатого века очередной тульский коммунистический градоначальник распорядился снести его — то ли не хватило денег на перезревшую реставрацию, то ли по иной причине. В Перовскую гимназию принимали независимо от сословной принадлежности, за что в народе её окрестили «школой кухаркиных детей». Первый выпуск гимназии в 1915 году дал путёвку в жизнь двадцати семи мальчикам. Среди выпускников следующих лет были такие ставшие известными люди, как маршал бронетанковых войск, герой Советского Союза Павел Полубояров и первый директор Московского планетария Константин Шестовский. В 1918 году мужскую гимназию Перова национализировали и преобразовали в единую трудовую школу имени Герцена. Молодая Советская республика не считала нужным использовать богатый педагогический опыт самого Ивана Фёдоровича. Позабывтый всеми, Перов умер в 1923 году.

Семья Барановых была дружной, но из всех братьев и сестёр Катя была наиболее близка с Антониной, старшей её на два года. Сёстры помогали маме, оставшейся вдовой, и много времени отдавали занятиям с младшими братьями, Василием и Виктором, в семье его называли Вико́й. Эти четверо оставались дружными на протяжении всей жизни, а три старших брата и сестра несколько отделились от младших после того, как покинули родительский дом. В свободное время Катя и Тоня любили посещать открывшийся не так давно сад «Эрмитаж» с красивыми беседками на берегу пруда, изысканным

рестораном и театром. Сад во многом копировал московский «Эр-митаж», насколько позволяли более скромные местные возможности. На дорогой ресторан денег не хватало, а вот театр сёстры посещали с удовольствием, особенно когда там гастролировали московские знаменитости, включая труппу недавно созданного театра Станиславского. Московские артисты любили наезжать в Тулу — недалеко, да и публика большей частью приличная.

Каждый год в знак дружбы Катя и Тоня делали совместный портрет в хорошо известном в Туле фотоателье Кантора. Я и сейчас люблю доставать из семейного архива эти отлично сохранившиеся реликвии начала двадцатого века. На меня смотрят одухотворённые лица двух привлекательных девушек. Антонина стройнее и изящнее, лицо более тонкое, а крепко сбитая Екатерина выглядит солиднее и несколько старше своих лет. Обе молоды, счастливы, впереди вся жизнь, полная радужных надежд; они ещё не представляют, какие превратности судьбы ждут их впереди. Одна из сестёр станет матерью моего отца, то есть моей бабушкой. А может быть, обе? Говорите, такого не бывает? Тогда читайте дальше.

Удивительно, но за прошедшие более ста лет изображения на фотографиях не выцвели и не поблекли. Кантор следовал старой истине «евреи, не жалейте заварки» и пользовался лучшей для того времени аппаратурой и фотоматериалами, хотя и брал недёшево. Фотоателье пришлось закрыть после того, как его дети, молодые Канторы, угодили в тюрьму за участие в революционных событиях начала века, а потом были сосланы на север. Вскоре, подгоняемый волной поднявшегося в стране антисемитизма, старший Кантор отбыл из Тулы в неизвестном направлении. Вместе с ним кануло в Лету и его замечательное фотоателье.

В отличие от младшей сестры, которая была усердна в учёбе, но не проявляла выдающихся способностей, Антонина училась на отлично, реже хорошо, и всегда стремилась пробовать что-то новое. В те годы для девушек её социального круга всё более притягательной становилась новая профессия стенографистки-машинистки. В Туле не было подходящей возможности учиться на эту специальность, и Тоня отправилась искать счастья в Москву. Сперва она снимала угол в квартире одного из старших братьев. Тот служил в армии и в 1905 году участвовал в выступлениях революционных солдат на Красной Пресне, а отслужив, устроился работать на патронном заводе в Москве.

Сперва Тоня пыталась поступить на престижные высшие женские курсы Герье, которые давали диплом, позволявший молодым женщинам преподавать в старших классах гимназии. По сути, это

был аналог диплома о высшем образовании. Не поступив, Антонина окончила годичные курсы стенографисток и устроилась в одну из адвокатских контор, где проработала вплоть до начала Первой мировой войны.

По-другому складывалась судьба Екатерины. Работая в гимназии Перова, она увлеклась марксизмом и стала членом подпольного революционного кружка — в начале двадцатого века они появлялись по всей России как грибы после дождя. В гимназии узнали об этом и намекнули, что Екатерине лучше самой покинуть стены учебного заведения. Антонина, не одобрявшая политических пристрастий младшей сестры, предложила ей перебраться в Москву «от греха подальше» и обещала помочь найти работу.

Устроиться в Москве учителем младших классов было непросто. В гимназиях не было вакансий, а для работы домашним учителем у разбогатевшего купеческого сословия требовались рекомендательные письма из других домов — их Катя не могла предоставить. Подвернулся счастливый случай — открылась учительская вакансия в подмосковном селе Пушкино, расположенном в 25 километрах от Москвы. Название села никак не связано с именем классика русской литературы; впервые в документах Пушкино упоминалось в 1499 году, то есть ровно за три столетия до появления на свет великого поэта. Скромная исполнительная девушка приглянулась директорисе местной школы, и, собрав свои небогатые пожитки, Катя перебралась в Пушкино, где с начала нового учебного года стала работать преподавателем младших классов.

Основными попечителями школы были фабриканты семьи Арманд, владельцы нескольких российских текстильных предприятий, главное из которых находилось в самом Пушкино. Будучи людьми прогрессивных взглядов, Арманды почитали своим святым долгом дать начальное образование детям фабричных работников (большинство из них женщины), приносящих основной доход их семейному клану, и не жалели на школу средств. Арманды вели активную культурную жизнь, и к ней, опять же, в силу демократических убеждений, привлекали работников своих предприятий. На одном из любительских спектаклей Екатерина познакомилась с Алексеем Беляевым, её ровесником, мастером красильного цеха на фабрике Армандов. Между молодыми людьми возникла взаимная симпатия, быстро переросшая в более сильное чувство. В начале 1914 года они поженились, и Катя взяла фамилию мужа, Беляева.

К сожалению, счастье молодых длилось недолго: волею самодержца, Россия ввязалась в бессмысленную и ненужную ей войну, что вызвало объявление всеобщей мобилизации. Арманды до-

бились отсрочки от призыва для группы своих наиболее ценных работников из-за того, что большая часть их текстильного производства была связана с выполнением военных заказов. Отсрочку получил и Алексей Беляев; однако, следуя патриотическому порыву, он записался добровольцем. «Не горюй, Катюня, — сказал он молодой жене при расставании. — Через месяц-другой промаршируем парадом победы в Берлине и Вене, и я вернусь домой с подарками тебе». Почему-то, несмотря на пережитый десять лет назад позор болезненного поражения в войне с Японией, у людей продолжала жить вера в непобедимость российской армии.

С фронта Катя не получила ни одного письма, и судьба мужа навсегда осталась для неё неизвестной — то ли он погиб в штыковой атаке, то ли скончался от ран или инфекции в военном госпитале, то ли пропал без вести во вражеском плену. После расставания с мужем её жизнь потекла без особых событий, и Екатерина сосредоточилась на работе в школе, а в свободное время много читала. Вместе со всеми переживала и расстраивалась невесёлым сообщениям с фронтов войны и радовалась редким победным реляциям. Первое время Катя иногда выбиралась в Москву навестить сестру, но Антонина была очень занята на новой работе. В начале войны она окончила курсы санитарок и младших медсестёр и работала в одном из московских госпиталей, куда нескончаемым потоком поступали сотни раненых и изувеченных воинов. В характере Тони была склонность к самопожертвованию, и её удалось сполна реализовать в работе сестрой милосердия. Сейчас об этом не вспоминают, но сёстрами милосердия в Царскосельском госпитале работали ненавидимая тогдашними патриотами последняя императрица Александра Фёдоровна и её старшие дочери, великие княжны Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна Романовы.

Разрушительным ураганом налетел на Россию 1917 год, сметая на своём пути всё, что с таким трудом создавалось в стране в последние несколько десятилетий. Дуновение освежающего ветра перемен, вызванного революционными событиями в Петрограде в конце февраля — отречением царя от престола и появлением новой власти, Временного правительства, донеслось поздней весной и до провинциального Пушкино. На текстильной фабрике Армандов появились агитаторы и стали говорить об организации Советов.

В середине июня произошло событие, во многом определившее дальнейшую Катину судьбу — она познакомилась с одним из членов семьи хозяев фабрики, Инессой Фёдоровной Арманд. Прибыв в Петроград в апреле после многолетней эмиграции вместе с Лениным и группой большевиков, она направилась в Москву и далее в Пуш-

кино, где после долгой разлуки наконец смогла обнять своих пятерых детей. Инесса Арманд работала в Москве, но при первой возможности стремилась в Пушкино навестить семью. В один из таких приездов она посетила местную школу, и её внимание привлекла молодая учительница младших классов. Женщины долго проговорили на самые разные темы, и Инесса, а она настояла, чтобы Катя называла её именно так, про себя отметила цепкий ум и неплохую эрудицию своей молодой собеседницы. При расставании Арманд сказала, что запомнила Екатерину, и в самое ближайшее время такие люди будут востребованы в России.

В свою очередь, Катя была очарована этой яркой женщиной. В Пушкино об Инессе Арманд говорили всякое. Большинство людей осуждало её, считало беспутной и неблагодарной за то, что она бросила мужа и, не разрывая с ним брака, нажила ребёнка с его младшим братом. А потом, похоронив его, оставила всех пятерых детей на попечение брошенного мужа и свекрови и болтается по заграницам. Также говорили, что она — один из близких соратников Ленина, который был всё более на слуху. Инесса Фёдоровна была для Кати как героиня из легенды, а тут личное знакомство.

Инесса была невысокого роста и, несмотря на уже не юный возраст и рождение пятерых детей, имела изящную фигуру. Её движения были лёгкими и по-кошачьи грациозными. Лицо нельзя было назвать красивым — на фоне мелких черт выделялся непропорционально большой нос. Но когда Инесса Арманд начинала говорить, от лица невозможно было отвести взгляд — настолько оно становилось одухотворённым и выразительным. Её речь была очень правильной и чистой, говорила быстро и эмоционально, чеканя слова. Подкупало и то, как она слушала собеседника — не перебивая, лишь иногда вставляя короткие реплики, подтверждающие, что она вся внимание. Их разговор касался событий последних месяцев, и точка зрения Инессы была близка Кате. «За ней я бы пошла!» — подумалось ей тогда.

Осенью 1917 года повсеместно возникли перебои с поставками продовольствия. Для жителей Пушкино, большинство которых имели подсобное хозяйство, эта проблема стояла не так остро, как у москвичей, и Екатерина как-то отвезла мешок с картошкой старшей сестре. Оказалось, что в этом не было необходимости — госпиталь, где работала Тоня, хорошо снабжался. С наступлением зимы в Пушкино стало хуже: в фабричных бараках не всегда топили, и живущие в них детишки часто прибегали в школу во внеурочное время просто погреться — ещё летом школа запаслась дровами на много месяцев вперёд.

В начале 1918 года революционные изменения докатились и до Пушкино. Небольшой преподавательский состав школы, где работала Катя, одним из первых почувствовал на себе веяния времени. В Пушкино приехали какие-то уполномоченные из Москвы с постановлением, предписывающим в корне изменить программу обучения в школе. Отменили уроки закона божьего, с чем Катя была полностью согласна — этот предмет преподавали с самого первого и по последний класс, и, по её мнению, ему уделялось неоправданно большое внимание. За ненадобностью отменили чистописание, греческий язык и латынь. Взамен предписывалось закладывать у учащихся основы пролетарского мировоззрения и развивать элементы социального мышления. На робкий Катин вопрос, что представляют собой эти основы и как их на практике закладывать и развивать, визитёры ограничились общими словами, что никак не облегчало работу педагогов. Неслучайно, что уже к середине года многие преподаватели покинули школу, и нагрузка на остальных, включая Катю, резко возросла.

Новая власть пыталась дать толчок реформе образования: отменили классические гимназии, ремесленные и коммерческие училища. Цифровую шкалу школьных оценок заменили словесной: «отлично» вместо «пять», «плохо» вместо «два», и так далее. Начальную школу переименовали в школу первой ступени. Отменили экзамены, поскольку они «подавляли личность учащихся». К ним вернулись только в тридцатые годы и стали называть их «испытаниями». В двадцатые годы ввели бригадный метод обучения, когда один ученик из группы, так называемый бригадир, отвечал на вопросы учителя, а оценку или зачёт ставили всей группе. По мнению реформаторов, это развивало дух коллективизма. После отделения церкви от государства и школы от церкви сделали обязательным начальное обучение, но быстро выяснилось, что не хватает учебных мест и преподавателей. Вместо старых учебников не успели подготовить новые, и возникшие прорехи в школьной программе стали восполнять усиленным трудовым обучением; рекомендовали всеми способами пропагандировать в школе героику труда.

Вообще новая власть оказалась скорой и решительной при разрушении старых порядков, но не столь эффективной в созидании. Большевики патологически не доверяли профессионалам старой власти, буржуазным спецам, как они их называли, и постоянно ждали от них подвоха. Для такого отношения были и объективные причины: большая часть российской интеллигенции без восторга восприняла октябрьский переворот, ожидая, что чуждая людской природе и здравому смыслу власть большевиков не протянет долго,

и поэтому им ни в чём не стоит помогать. Не способствовала появлению любви к новой власти и проводимая ею политика тотальной экспроприации, встретившая жестокое сопротивление многих слоёв населения, в ответ на что большевики развязали террор. Из-за стихийно возникавшего саботажа катастрофически не хватало хозяйственных и военных кадров, и бывшим профессиональным революционерам приходилось на ходу обучаться новым профессиям и овладевать новыми знаниями. Естественно, это не могло не сказаться на организации производства, количестве и качестве выпускаемой продукции.

Солнечным днём января 1919 года около здания школы остановился небольшой автомобиль, которые тогда были редкостью в Пушкино; из него на ходу выпрыгнула женщина, одетая в меховой полушубок и резиновые ботинки. Не останавливаясь, она буквально влетела в классную комнату, где после уроков Екатерина проверяла ученические тетрадки.

— Здравствуйтесь, Инесса Фёдоровна, — для Кати появление знатной гостьи было полной неожиданностью. Поздоровавшись, Арманд сразу перешла к делу.

Товарищ Ленин уделяет большое внимание участию женщин в построении нового общества. Учитывая интерес и большой опыт Инессы Арманд в разработке теории и практики женского движения, Владимир Ильич хочет назначить её руководителем нового отдела в ЦК партии большевиков по работе с женщинами. Как он говорит, задача Женотдела, так будет называться это подразделение, — воспитание женщин в духе социализма, их привлечение к государственному управлению и хозяйственному строительству, осуществление трансформации институтов брака и материнства, изменение условий всего быта женщин. Инессе Арманд даны широкие полномочия в подборе кадров и обеспечении их достойными бытовыми условиями. Одной из важнейших задач Женотдела является подготовка агитационных материалов, для чего нужны образованные люди с хорошим владением языком и опытом практической работы. Инесса полагает, что Екатерина Беляева идеально подходит для этой роли, и предлагает ей в самое ближайшее время переехать в Москву и приступить к новой работе.

Конечно, это предложение прозвучало для Кати как гром среди ясного неба, но попало на уже хорошо подготовленную почву. Жизнь в Пушкино стала ей приедаться своей монотонностью и бессобытийностью. Дела в школе шли ни шатко ни валко; новая власть не спешила определяться с программами обучения, что не способствовало успеху всего учебного процесса. После того как школу по-

кинул ряд опытных педагогов, не пожелавших принимать навязанные сверху перемены, заметно сузился и без того небольшой круг Катиного общения. А тут рядом Москва, конечно, голодная, но зато бурлящая новой, интересной жизнью и богатая событиями. Словом, перемены назревали, и несколько нерешительной по характеру Кате не хватало лишь внешнего импульса.

Правда, было одно «но». Около года назад Катя приютила в своей крохотной комнатке при школе одну из своих учениц, восьмилетнюю Верочку, чей отец погиб на фронте, а мать, работница фабрики, скончалась от пневмонии. Девочка была смышлёной и приветливой, и Кате было откровенно жалко сдавать её в детский дом. Кроме того, она уже не надеялась, что снова удастся выйти замуж, и Верочка становилась важным членом её маленькой семьи. Катя не могла бросить девочку в случае переезда в Москву. Инесса Фёдоровна моментально отмела все сомнения:

— Приедете в Москву, сразу оформим ваше материнство. Не волнуйтесь, получите продуктовые талоны на двоих. Веру определим в хорошую школу. Сначала поселитесь в общежитии, а после того как немножко поработаете, похлопочем об отдельной комнате в хорошем доме.

Также Арманд завершила Екатерину, что её статус беспартийной не будет препятствовать работе в Женотделе ЦК партии — товарищ Ленин приветствует привлечение как можно более широкого круга трудящихся к управлению страной. Через несколько недель за Катей прислали небольшой грузовик, и они с Верочкой, погрузив свой небогатый скарб, отправились в Москву начинать новую жизнь.

Уже в первые месяцы советская власть приняла ряд важных декретов, существенно улучшавших положение женщин. Декрет от 29 октября о восьмичасовом рабочем дне запрещал ночной труд женщин. Декретом от 14 ноября ввели оплачиваемые восьминедельные отпуска до и после родов; Советская Россия стала первой страной в мире, где работающие женщины получили такие привилегии. Декабрьские декреты 1917 года ввели принцип равной оплаты мужского и женского труда и уравнили права мужчин и женщин в браке и семье. По замыслу большевиков, эти революционные не только для России правовые изменения должны были привлечь женщин на сторону победившей революции и способствовать их активному участию в общественной жизни страны. Ленин полагал, что создаваемые повсеместно женские комитеты должны стать активными проводниками в жизнь этих идей.

Работа в Женотделе пришлась Екатерине по душе. Поначалу она терялась, возникало много вопросов, но Инесса Фёдоровна взя-

ла над ней шефство и помогала словом и делом. Арманд заряжала энергией и энтузиазмом всех вокруг себя, а её работоспособности могли позавидовать и более молодые сотрудники. Женотдел осуществлял помощь больным и раненым красноармейцам, организовывал образовательные учреждения и обучение неграмотных, заботился о детях и беспризорных, распределял еду и жильё. Для товарища Инессы, как её называли в отделе, особенно важным и амбициозным проектом была агитационная работа, в частности издание женского журнала «Работница». Во время работы над издательскими проектами Екатерина овладела специальностями корректора и редактора, что дало ей навыки новой профессии и сильно помогло в дальнейшей жизни.

По работе Катя почти каждый день пересекалась с Инессой Фёдоровной, за исключением тех случаев, когда та была в командировках или отсутствовала по болезни. К сожалению, со временем количество больничных дней увеличилось, и внешне товарищ Инесса сильно сдала: она осунулась, цвет лица стал нездорово серым, её энергичная походка стала заметно заторможенной. В один из августовских дней 1920 года Инесса Арманд пригласила сотрудницу Екатерину Беляеву в свой небольшой кабинет и за стаканом чая завела следующий разговор.

— Вы, Катя, наверное, обратили внимание, что в последнее время я не очень хорошо себя чувствую. Надеюсь, что это не болезнь, а просто накопившаяся усталость. Владимир Ильич настоятельно рекомендует мне сменить обстановку и съездить на отдых в Кисловодск. Я сопротивлялась как могла, но вы знаете, что у нас в партии строгая дисциплина, и указания, даже рекомендации товарища Ленина принято неукоснительно выполнять, так что через несколько дней я должна уехать. Перед этой поездкой у меня почему-то нехорошие предчувствия, я вообще не уверена, что сюда ещё вернусь.

Речь Инессы Фёдоровны прервалась кашлем. Екатерина внимательно слушала её, не перебивая.

— Так вот, теперь о просьбе, — продолжала Арманд после небольшой паузы. — Несколько последних лет я веду дневниковые записи, которые со временем хочу отредактировать и опубликовать. Для меня это очень важно: там частичка меня и описаны самые главные события, произошедшие в моей жизни. Я хочу передать вам эти записи на хранение. Вы вернёте их мне, когда я выйду на работу после отпуска.

Инесса протянула Кате папку зелёного цвета, в которую были вложены несколько ученических тетрадей. Последовала пауза, но Катя по-прежнему молчала, ожидая продолжения.

— Дальше самое главное, на тот случай, если я не вернусь. Вы ни в коем случае не говорите никому о существовании этих записок. Также их нельзя предавать гласности, пока жива я или товарищ Ленин. Я не могу предположить, как будут развиваться события. Мне сложно, и, может быть, не нужно вам об этом говорить, но сейчас в партии развиваются не совсем здоровые тенденции. Может сложиться ситуация, когда мои дневниковые записи станут опасными. В этом случае вы вправе сразу от них избавиться — просто сожгите их. Вы, Катя, умная женщина — поработав с вами, имела возможность в этом убедиться, и вы сможете принять правильное решение, в этом я не сомневаюсь. Поэтому я передаю дневники именно вам, а не кому-то из своих детей. Пусть это звучит эгоистично, но я не хочу подвергать их опасности, с которой они пока не смогут справиться. Впрочем, если для вас моя просьба будет обузой или покажется опасной, вы можете сейчас же отказаться — у меня есть в запасе ещё несколько дней, чтобы принять другое решение.

Конечно, Катя не смогла отказать Инессе Фёдоровне в её просьбе.

Тяжёлые предчувствия не обманули Инессу Арманд. Чуть больше чем через месяц гроб с её телом был доставлен из Нальчика, где, заразившись холерой, она сторела буквально за три дня.

Глава 2

ПОХОРОНЫ ИНЕССЫ АРМАНД

Ранним утром 11 октября 1920 года непогодилось, моросил нудный осенний дождь, было зябко от пронизывающего насквозь ветра. Но вот иногда его порывы стихали, дождь прекращался, и даже начинало казаться, что из-за туч может выглянуть утреннее солнышко — как будто погода ещё стояла перед выбором и не могла определиться, как себя вести в этот день. На платформе Казанского вокзала было немногочленно, и в ожидании поезда с южного направления недалеко друг от друга стояло несколько групп людей: Ленин, Крупская и их немногочисленные охранники, чуть поодаль муж Инессы Арманд Александр и её пятеро детей в возрасте от восемнадцати до двадцати пяти лет, и ещё чуть дальше сотрудницы Женотдела ЦК РКП(б). Партийные работники знали об особенно тёплом отношении Владимира Ильича к товарищу Инессе — это ни для кого не было тайной. Но авторитет Ленина в партии был настолько высок, что это не могло быть предметом ни для сплетен в кухонных беседах, ни тем более для обсуждений в рабочей обстановке. Также ни для кого не было секретом, что товарищ Ленин лично отдавал распоряжения по организации и проведению похорон большевички Инессы Фёдоровны Арманд.

Специальным поездом из Нальчика прибыл закрытый гроб с телом товарища Инессы. Из-за неразберихи, вызванной Гражданской войной и общей разрухой в стране, этот печальный груз смогли доставить в столицу только по прошествии почти трёх недель после её кончины. Гроб водрузили на катафалк, и запряжённая конная повозка отправилась в трёхкилометровый путь по пустынным улицам ещё спящего города — от площади трёх вокзалов через Каланчевку и Мясницкую, на Лубянку и Охотный ряд к дому номер 1 на Большой Дмитровке. Гроб, украшенный венками из свежих цветов, водрузили на постамент в малом зале Дома Союзов; на алой ленте, опоясывавшей самый большой венок из белых гвоздик, было написано: «Товарищу Инессе от В.И. Ленина». Московский комитет РКП(б) опубликовал обращение «К работницам Москвы», в котором были такие слова: «Пусть будет жива память о товарище Инессе среди тех, кто теперь среди голода и разрухи идёт упорным трудом

к светлой жизни». В почётном карауле около гроба с телом несли сменную вахту соратники Инессы Фёдоровны Арманд по революционной борьбе и жизни в эмиграции, те, вместе с кем она прошла через ссылку и тюремные камеры. С товарищем Инессой пришли попрощаться работники Московского Совнархоза, рабочие московских предприятий и пушкинских фабрик, сотрудницы Женотдела ЦК партии, французские коммунисты. Письма и телеграммы с соболезнованиями пришли от зарубежных соратников, и одно из самых тёплых посланий было написано Кларой Цеткин. В «Правде» опубликовали составленный Крупской некролог и стихотворение за подписью «Бард», которое заканчивалось таким четверостишьем:

Да сгинут враги! Да скорее падёт
Грядущего счастья завеса!
Дружнее, товарищи, в ногу — вперёд!
Спи с миром, товарищ Инесса!

В солнечный полдень следующего дня под скорбные звуки похоронного марша Шопена траурная колесница с гробом покойной медленно двинулась через Театральную площадь и далее вдоль Кремлёвской стены по направлению к Красной площади. У стен Кремля состоялся траурный митинг, который открыл заведующий отделом РКП(б) товарищ Невский, рассказавший о славном революционном пути Инессы Арманд. Выступавшие после него говорили о работе под руководством товарища Инессы в Московском Совнархозе, в журнале «Работница», в Женотделе ЦК РКП(б) и филиалах этой организации в Петрограде, на Кавказе и Дальнем Востоке. С пламенной речью выступила Александра Михайловна Коллонтай, коллега и давняя конкурентка Инессы Арманд в партии по женским вопросам.

Все ждали прощальной речи от Ленина, но достаточно было посмотреть на него, чтобы понять, что этот яркий партийный трибун не был в состоянии произнести ни одного слова. Его лицо исказила нечеловеческая гримаса боли, в глазах стояли слёзы. Он только что не падал — равновесие вождя сохраняла крепко поддерживавшая его под руку Крупская. Мозг сверлила одна мысль — так настойчиво, что не давала ему думать ни о чём другом в дневное время или заснуть ночью: зачем ты уговорил её ехать на Кавказ? Ведь она не хотела, как будто что-то предчувствовала. Даже начала с ним спорить, чего в последнее время между ними не случалось. Вот ты, который «в черепе сотни губерний ворочал, людей носил до миллиардов полутора», находишься на самой вершине власти в этой огромной стране и без преувеличения вершишь судьбами мира. Но не смог уберечь

Инексу, одного из самых близких и дорогих тебе людей. И как теперь ты будешь жить без неё?

Рядом с Лениным и Крупской стояли дети Инессы Арманд. Наконец, после многократного оружейного салюта и пения «Интернационала», гроб с телом пламенной революционерки и соратницы вождя опустили в землю. Было решено увековечить память товарища Инессы, присвоив её имя нескольким яслям и курсам по подготовке инструкторов женотделов. Позднее, в 1926 году, под редакцией Крупской вышел сборник воспоминаний об Инессе Фёдоровне Арманд. После этого на много лет вперёд её имя было предано забвению.

По слухам, через три с лишним года, сразу после смерти Ленина, Крупская обратилась в Политбюро с просьбой похоронить её мужа у Кремлёвской стены рядом с Инессой Арманд. Можно только гадать, каких моральных сил стоило Надежде Константиновне озвучить эту просьбу. По-видимому, она, всю жизнь беззаветно и преданно служившая своему любимому Володе, видела в этом исполнение его никогда не высказанного вслух желания. Конечно же, Сталин, в то время уже практически единолично решавший большинство вопросов в партии и в стране, отказал ей в этой просьбе и определил Ленину место на Красной площади в Мавзолее, который в 1930 году открыли для посещения публики. Здесь до сих пор Ленин пребывает, нельзя сказать, что покоится.

Что касается самой Крупской, то после смерти мужа она перестала играть сколько-нибудь заметную роль в партии. Сталин отвёл ей почётную роль «вдовы Ленина». Надежда Константиновна писала воспоминания о революционном прошлом Владимира Ильича, которые перед сдачей в набор тщательно цензурировались в ЦК, и в роли «свадебного генерала» заседала в президиуме многочисленных торжественных собраний. Ещё при жизни её именем называли библиотеки, школы, детские сады. Незадолго до кончины в 1939 году Крупская скромно отметила свой семидесятилетний юбилей. Из их с Лениным многочисленных соратников по партии практически никто не смог прийти и поздравить её по весьма уважительной причине — как враги Родины они либо были расстреляны, либо отбывали многолетнее заключение в отдалённых местах лишения свободы за свою «контрреволюционную деятельность». Сталин активно переписывал историю партии и страны, где ему самому отводилась ведущая роль во всех свершениях, и свидетели его невыразительного революционного прошлого исчезали в небытии один за другим.

Прах Крупской захоронили в Кремлёвской стене рядом с мавзолеем, где находятся забальзамированные остатки того, кто когда-то был её мужем, и недалеко от могилы Инессы Арманд.

Глава 3
**НАЧАЛО ДНЕВНИКА ИНЕССЫ АРМАНД.
РОЖДЕНИЕ И ДЕТСТВО**

Дневник я начала вести, когда мне было двенадцать лет. Главной причиной явилось даже не то, что хотелось запечатлеть в памяти отдельные эпизоды жизни, а желание научиться в письменном виде грамотно излагать свои мысли. Как станет ясно из дальнейшего повествования, русский язык не был для меня родным, хотя с пятилетнего возраста я пользовалась им для общения со сверстниками. Но одно дело детские забавы, где в ходу весьма ограниченный и специфический набор слов, и совсем другое — богатая культурная русская речь, которую мне хотелось постичь в совершенстве. По природе я — перфекционист, и поэтому всё, что делаю, должно быть отмечено печатью качества. А то, что хороший эпистолярный русский язык будет нужен независимо от того, какую выберу профессию, я всегда хорошо понимала. Кроме чтения классической литературы, к чему имела пристрастие с ранних лет, этой цели послужил и мой дневник.

Не могу похвастаться тем, что регулярно вела дневниковые записи. С детства родные приучили меня к дисциплине, но ведение дневника было одним из тех дел, где я позволяла вольность: писала, когда чувствовала душевный позыв. Так, больше года я вообще не касалась пера, когда в моей жизни наступила самая чёрная полоса, о чём речь пойдёт ниже. Окончательно перестала вести записи в дневнике в канун бурных революционных событий 1917 года — каждый день поступали будоражащие сознание новости, и просто не хватало времени.

Но вот наступил момент — это произошло примерно в середине 1919 года, у меня появилось немного свободного времени, и всё чаще я стала оглядываться на прожитое. Этим размышлениям способствовал и возраст — с очевидностью я перешла экватор своей жизни. Я стала ясно понимать, что волею судеб в период смены эпох оказалась в одном из самых важных мест — у истоков формирования и становления партии большевиков. Жизнь распорядилась так, что почти восемь лет я была одним из самых близких соратников Ленина, может быть, только наряду с Григорием Зиновьевым и Львом Каменевым. Конечно, Надежда Крупская была ему ближе, но она не в счёт, поскольку являлась тенью Владимира Ильича.

Я почувствовала на себе особую ответственность за то, чтобы написать правду о том, каким нелёгким и извилистым путём шло образование нашей партии и её борьба за место в революции. Это могут сделать Зиновьев или Каменев, но вряд ли это случится — оба выше головы заняты государственными делами.

Тут я вспомнила о дневниковых записях. Перечитав, поняла, что их можно взять за основу будущего повествования, если хорошо отредактировать: убрать некоторые детали личной жизни и чересчур эмоциональные описания своих переживаний. Но всё-таки не хочу совсем отказываться от честного описания своего пути, в какой-то степени он типичен для представителей российской интеллигенции, принявших идеи революции. Пока не уверена, буду ли публиковать эти записки. Думаю, что ещё будет достаточно времени хорошенько всё обдумать и принять правильное решение.

Итак, обо всём по порядку.

Я появилась на свет в два часа дня 8 мая 1874 года на улице Шапель, 63, находящейся в квартале Монмартр на севере Парижа. При рождении мне дали имя Элизабет-Инес. Впоследствии, уже став революционеркой, я намеренно искажала дату рождения, чтобы ввести в заблуждение жандармов в России и органы правопорядка в других странах.

Мой отец, Теодор Стефан, был оперным певцом и, насколько мне известно, весьма успешным. Он носил сценическое имя Теодор Пеше д'Эрбанвиль, под которым был известен широкой публике. Отец был сыном почтенных буржуа из Лиона, и его родители не хотели, чтобы их окружение знало о том сомнительном пути, который, по их мнению, избрал Теодор. Д'Эрбанвиль выступал в жанрах классической и комической оперы и пел сольные партии в таких постановках, как «Риголетто», «Багдадский вор» и «Фауст». У меня остались весьма смутные воспоминания об отце, как о ком-то очень шумном, всегда заряженным энергией и полным необузданных фантазий. Припоминаю, что по окончании оперных спектаклей он любил явиться домой, разряженным в костюмы персонажей из постановок, и громко распевал арии, чем приводил меня в состояние жуткого испуга и одновременно восхищения.

Моя маман, урождённая Натали Уайльд (на французский манер — Вильд) была наполовину англичанка, наполовину француженка. В детстве она проживала в Москве вместе со своей старшей сестрой Софи и матерью; насколько мне известно, их предки перебрались в Россию ещё во второй половине восемнадцатого века. Маман была несколько взбалмошного и авантюрного нрава, и не случайно, что в какой-то момент, вопреки воле семьи, она очутилась в Пари-

же, где решила продолжить музыкальное образование. Здесь она свела знакомство с моим будущим отцом — семейные предания не уточняют, при каких именно обстоятельствах. В архиве осталось несколько фотографий моих родителей, по которым я могу судить, что это была очень красивая пара. По-видимому, внешне и по характеру я больше похожа на отца, а от матери унаследовала некоторую авантюризм.

В момент моего появления на свет родителям было по двадцать четыре года, и они ещё не успели зарегистрировать свои отношения, то есть формально не были женаты. Причина была в том, что маман относилась к англиканской церкви, а отец был католиком, поэтому для регистрации официального брака одному из них было необходимо поменять вероисповедание. Это сделал отец, и свадебное свидетельство родители получили лишь спустя четыре месяца после моего рождения. Брак был узаконен в приходской церкви святой Марии города Нью-ингтона в Англии. Меня, как и мать, крестили в англиканскую веру под именем Инесса Елизавета. Тот факт, что на момент моего рождения родители не были формально расписаны, мог создать мне серьёзные проблемы в будущем, поскольку, по российским законам конца девятнадцатого века, я считалась бы незаконнорождённой с неизбежным поражением во многих правах. Поэтому маман проявила свойственные ей изобретательность и настойчивость, и свидетельство о моём рождении переделали позднее, что внесло дополнительную путаницу в мою анкету. Через год с небольшим на свет появилась моя сестра, которую нарекли Рене Жюстина Луиза.

Когда мне было пять лет, у отца закончился контракт с театром, и временно он остался без работы. Мать, уже имевшая к тому времени на руках двух дочерей и будучи беременной третьим ребёнком, решила с ним расстаться, потеряв, по-видимому, веру в способности отца зарабатывать деньги и обеспечивать семью. Вероятно, были и какие-то другие обстоятельства, проистекавшие из бурных характеров моих дорогих родителей, но с нами, детьми, эти вопросы никто и никогда не обсуждал. По официальной семейной версии, отец

тогда умер, что было неправдой. Уже много лет спустя, оказавшись в Париже, я выяснила, что после расставания с матерью отец прожил ещё семь лет. Судя по тому, что в связи с его смертью был напечатан некролог в столь уважаемой газете, как Le Figaro, в результате у него сложилась вполне успешная артистическая карьера.

Оставшись одна с тремя дочерьми, мать, певица по профессии, не смогла устроиться на работу в театр в Париже. От случая к случаю она стала давать частные уроки пения, что приносило весьма скудные заработки и не могло обеспечить мало-мальски пристойного благосостояния. Остро встал вопрос: как при таком печальном материальном положении воспитывать детей? На помощь пришли мамы московские родственники. После того как в 1879 году родилась моя младшая сестра Анна, бабушка и старшая мама сестра, тётя Софи, забрали меня из Парижа в Москву; здесь они зарабатывали на жизнь частными уроками в домах богатых купцов и промышленников. Кроме того, мой дедушка, которого я никогда не видела, поскольку он умер незадолго до моего появления на свет, работал в университете профессором и оставил после себя небольшое состояние. Я была ещё слишком маленькой, чтобы помнить детали парижской жизни, но по какой-то странной причине навсегда полюбила этот город. До сих пор считаю Париж самым красивым местом на Земле! Расставания с родителями и сёстрами уже в детском возрасте, по-видимому, рано выработали у меня стойкий иммунитет ко всякого рода прощаниям. В дальнейшем это позволило мне не так болезненно переносить многочисленные утраты и разлуки с родными и близкими людьми.

В Москве бабушка и тётя отнесли ко мне по-доброму, но без лишних сантиментов. Они серьёзно занялись моим воспитанием: дали строгое классическое домашнее французское образование и привили хорошие английские манеры. Полагаю, что их целью было подготовить меня к профессии домашнего учителя и подыскать подходящую партию для замужества. Бабушка говорила со мной только по-английски, поэтому я абсолютно свободно изъясняюсь на трёх языках (ещё французском и русском), так что даже затрудняюсь сказать, какой из них для меня родной. Впоследствии я легко выучила ещё и немецкий. Занятия по литературе и истории дали мне широкий кругозор, развили умение мыслить широко и свободно; потом всё это очень пригодилось в жизни и в революционной работе. Видимо, у меня рано проявился музыкальный талант, поскольку тётя выделяла меня из всех учеников и давала особенно сложные задания. Так, она заставляла меня заучивать наизусть большие отрывки из музыкальных пьес, а иногда и всё произведение целиком.

Конечно, за это я её тихо ненавидела, но благодаря музыкальным упражнениям у меня развилась хорошая память, что сильно помогло в дальнейшей жизни. Также ежедневные занятия музыкой привили трудолюбие и дисциплину, без чего я не смогла бы уверенно идти по жизни и добиваться поставленных целей. Не говоря уже о том, что любовь к классической музыке осталась со мной на всю жизнь. До сих пор сестра за пианино и помузицировать для удовольствия, своего и окружающих, для меня лучший отдых. И сейчас, по памяти и без нот, могу сыграть те музыкальные отрывки, которые разучила ещё в детстве.

Хотя меня воспитывали дома, я не была лишена контактов с другими людьми. Тётиная квартира находилась недалеко от «французского квартала» на Кузнецком мосту, где я могла общаться с детьми из близкой мне среды. Кроме того, в домах, где преподавали бабушка и тётя, были весьма демократические нравы, и меня часто приглашали туда вместе с ними, а когда стала старше, то и независимо от них. Благодаря такому опыту у меня никогда не было проблем при общении с людьми, стоящими со мной на разных ступенях словесной лестницы. Со слов окружающих, я была привлекательной девушкой и не испытывала недостатка внимания со стороны противоположного пола. «Инецца — невысокая, хрупкая девушка, с тонкой талией, светлыми вьющимися длинными волосами, большими глазами, пухлыми губками», — так описал меня один из поклонников в письме своему приятелю, которое я случайно прочитала.

В 1891 году умерла бабушка, и из Франции приехала маман вместе с моими младшими сёстрами. С первого дня моего общения с матерью наши отношения не сложились по целому ряду причин. Мне было уже семнадцать, но мать относилась ко мне, как к несмышлёному ребёнку. На полном серьёзе она настаивала на том, что я должна беспрекословно следовать всем советам, основанным на её «богатом жизненном опыте», который, однако, не имел к моей ситуации никакого отношения. К тому же я не одобряла и стыдилась её лёгкого отношения к любви, которое она никогда даже не пыталась скрыть от посторонних, и это бросало тень на нас, её детей, в том обществе, где мы стали появляться. Так или иначе, заведя очередную роман, маман через год укатила во Францию. Дальше наши судьбы почти не пересекались; во всяком случае, я никогда не искала с ней контакта. После отъезда матери мои младшие сестры остались в Москве, и у меня с ними установились тёплые дружеские отношения, особенно со средней и более близкой по возрасту Рене. Дружба с ней проходит через всю мою жизнь, и мы постоянно оказываем друг другу помощь и поддержку.

При написании биографии Миронова и дневников Арманд использовались следующие литературные источники:

- *Александров Р.* Революция и Гражданская война в России. 1917–1922. — М.: Время, 2018.
- *Андреевский Г. В.* Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1920–1930-е годы. — М.: Молодая гвардия, 2008.
- *Арманд И. Ф.* Статьи, речи, письма. — М.: Политиздат, 1975.
- *Арманд Р.* Наша бабушка Инесса Арманд. Драма революционерки. — М.: Вече, 2017. — 288 с.
- *Валентинов Н. (Н. В. Вольский).* Встречи с Лениным. — Direct Media, 2017.
- *Валентинов Н.* Малоизвестный Ленин. — Париж: Пять континентов, 1972.
- *Волгогонов Д. А.* Ленин. Политический портрет. — М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ»: АО «Издательство «Новости», 1999. — 480 с. — (Всемирная история в лицах).
- *Знаменский А. Д.* Красные дни / Роман-хроника. — М.: Советская Россия, 1991.
- *Инсаров М.* Филипп Кузьмич Миронов. — Самиздат.
- *Керенский А. Ф.* Россия на историческом повороте: мемуары. — М.: Республика, 1993.
- *Пейн Р.* Ленин. Жизнь и смерть. — М.: Молодая гвардия, 1964.
- *Подляшук П. И.* Товарищ Инесса. — М.: Политиздат, 1963.
- *Попов Н. В.* Открывая новые страницы. — М.: Политиздат, 1989.
- *Соколов Б. В.* Ленин и Инесса Арманд. — Алгоритм-книга, 2008.
- *Трифонов Ю. В.* Старик. Другая жизнь. — М.: Сов. писатель, 1980. — 356 с.
- *Шанин Т., Данилов В. П.* Филипп Миронов: Тихий Дон в 1917–1921 гг. — М.: Международный фонд «Демократия», 1997.
- *Elwood R. C.* Inessa Armand. Revolutionary and Feminist. Cambridge University Press, 1992. 304 p.
- *Fischer L.* The Life of Lenin. Harper & Row. 1964.
- *Pearson M.* Lenin's Mistress. The Life of Inessa Armand. Random House, New York, 2001. — 278 p.
- Неопубликованные мемуары отца автора.

ДМИТРИЙ ЗЯТЬЕВ родился в середине пятидесятых годов, в эпоху «хрущёвской оттепели». По профессии — научный сотрудник в области биохимии; окончил Московский университет имени М. В. Ломоносова, там же защитил кандидатскую и докторскую диссертации. В начале девяностых годов вместе с семьёй уехал из России и на протяжении более двадцати пяти лет работал в университетах, научных лабораториях и компаниях в Англии, Франции и США; имеет много печатных научных трудов. В настоящее время проживает в Америке. Сорок шесть лет счастливо женат, две взрослые дочери, двое внуков. Увлекается литературой, музыкой, спортом, любит путешествовать. Роман «Инесса» — его литературный дебют.

Человеческие судьбы на переломе эпох... Жизнь трёх поколений семьи Барановых тесно переплелась с событиями, происходившими с конца XIX века и вплоть до сегодняшних дней в Российской империи, потом Советском Союзе и, наконец, России. По воле провидения жизненные пути сестёр Екатерины и Антонины Барановых пересеклись с нелёгкими судьбами революционерки Инессы Фёдоровны Арманд и забытого героя Гражданской войны, командира Второй конной армии Филиппа Кузьмича Миронова. В дневниках Инессы Арманд описан сложный путь ближайшей соратницы Ленина: её жизнь в эмиграции, участие в подготовке революции 1917 года и работе в первые годы Советской власти.

ISBN 978-1-960533-76-0

9 781960 533760